

ВОЙНА ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖѢ И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 25 К. НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 23

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1916
2 ЮНЯ

Рис. Ре-ми.

ЮБИЛЕЙ ПОДЪ ВЕРДЕНОМЪ.

Лавры Иены и Аустерлица пустили новые побѣги!

Рис. В. Лебедева.

Неопытный пьздокъ (сѣзжая къ хвосту): — Послушайте, эта лошадь уже кончается — давайте другую!..

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

1. Мама.

День угасъ. Къ вечернѣ въ Новоспасскомъ
Колоколь медлительно зоветъ.
На снѣгу скользить по нѣжнымъ краскамъ
Матовый налетъ.

Въ часъ дремотный мама сонно вяжетъ,
Самовара простенькій мотивъ
Шопоткомъ ей сказочку расскажетъ,
Какъ дитя, смѣшливъ и говорливъ.

— Что-то Нюра долго не идетъ...
Мамѣ скучно. Мама вся сѣдая.
Мама только Нюрой и живетъ,
Вмѣстѣ съ нею счастья ожидая...

И въ далекомъ голубомъ Крыму
Кто-то грустно, нѣжно любитъ Нюру.
Подбирая трели къ «Трубадуру»,
Отвѣчаетъ сердцу своему...
Въ тишинѣ вполголоса поетъ:
«Racontez elle, mes fleurs, ma terre»...
Лунный серпъ, какъ свѣтлый гондольеръ,
Въ небѣ плывъ подъ эту увертюру.

Оживаетъ старый мой буюаръ,
И душой владѣютъ вновь упрямо —
Посреди сухихъ цвѣтовъ и хлама —
Нюрочка, ея сѣдая мама
И пѣвучій, пухлый самоваръ...

Леонидъ Астаховъ.

КУДА ЪХАТЬ.

Когда мы еще молоды, каждую весну, когда закипаетъ
какимъ-то непонятнымъ стремленіемъ наша душа, мы хо-
димъ по комнатамъ, ломаемъ руки и мучительно спраши-
ваемъ:

— Куда же идти?... Каждому человѣку надо куда-ни-
будь идти...

Такъ, кажется, спрашивалъ себя Раскольниковъ. А мо-
жетъ быть, и не онъ: я очень люблю цитировать въ ущербъ
автору произведение, котораго точно не помню.

Когда намъ минетъ по тридцати пяти лѣтъ, каждую
весну мы тоже ходимъ по комнатамъ, поламываемъ руки, хва-
таемся за бумажничекъ и мучительно спрашиваемъ чужихъ и
близкихъ:

— Куда же ѣхать?... Каждому человѣку надо куда-
нибудь ѣхать.

Обычно весь этотъ сложный вопросъ рѣшался легкой по-
ѣздой за границу. Нѣмецкіе и швейцарскіе хозяева гости-
ницъ и всякихъ пристанищъ, цѣлую зиму бродившіе по
своему пустому пепелищу, какъ голодные клопы по солдат-
ской койкѣ, оживали и вывѣшивали на каждомъ одушевлен-
номъ и неодушевленномъ предметѣ цѣну за пользованіе.

— Русскіе ѣдутъ... Нужно повѣсить на нашу добрую
кошку этотъ ярлычекъ — восемь пфенниговъ. Русскіе такъ
любятъ гладить кошекъ. А кошка быстро изнашивается...

— Кстати, на эту скамейку тоже. Всего одна марка за
недѣлю. Можно пускать цѣлыя семейства. Превосходный
видъ на воздухъ и бесплатное пользованіе закатомъ и вос-
ходомъ.

Около моря ставились плакаты:

— Специально для пріѣзжихъ. Ежедневно большой при-
ливъ и отливъ. Дѣти по пятницамъ — за уменьшенную
плату. Абонементъ въ кассѣ.

А въ увеселительныхъ садахъ просто придумывались спе-
ціальные номера для тыкающихся съ мѣщанскаго размаха

ТОЧНОСТЬ ВЫРАЖЕНІЯ.

— У кого ты одѣваешься?

— Теперь правильнѣе спросить — у кого я раздѣваюсь, потому что юбка еще укоротилась на два вершка.

НѢТЪ ХУДА БЕЗЪ ДОБРА.

- Говорятъ — мяса стало меньше.
— Врутъ все. У меня, напримѣръ, печень даже увеличилась. Вдвое.

во всякую границу. На тумбочку прибывалась доска, а къ доскѣ желѣзная вывѣсочка: за ударъ кулакомъ пять пфениговъ, ногой — съ взрослого 8, съ маленькаго — 3. Никому не было извѣстно, для чего нужно было бить по доскѣ кулакомъ, но такъ какъ за это требовали плату, прїѣзжіе подходили и, ушибая нѣсколько разъ кулакъ, отходили удовлетворенные:

— Нельзя, знаете... Заграничное все испытать надо...

Теперь за границу ѣхать нельзя. Поэтому всѣ накинулись на тѣ мѣста, гдѣ можно больше истратить. Крымъ и Кавказъ заполнены. Милліонеры снимаютъ койки въ углахъ дворницкихъ, на улицахъ ночуетъ бо-мондъ обѣихъ столицъ, а мѣстный бо-мондъ, уступивъ свои квартиры, ютится подъ мостами и въ придорожныхъ лопухахъ. Многие даже живутъ въ грязевыхъ ваннахъ. Большинство ссылается на то, что ѣдутъ туда лѣчиться. Одна дама какъ-то объяснила мнѣ:

— Купаться ѣду. Доктора прописали въ какомъ-то прохладительномъ напитокѣ купаться — не то въ нарзанѣ, не то въ ланинской водѣ...

Заполнивъ Крымъ и Кавказъ, теперь всѣ устремились на Волгу. Навѣрное и вы поѣдете туда? Для васъ, собственно я и пишу эти нѣсколько строкъ. Позвольте мнѣ, какъ опытному волжанину, туземцу четырехъ волжскихъ городовъ и старожилу двухъ пароходныхъ компаній, дать нѣсколько со-вѣтовъ по поводу путешествія по Волгѣ.

* * *

Волга впадаетъ въ Каспійское море. Надъ этой фразой всѣ почему-то смѣются, принимая ее за чеховскую. Однако здѣсь Чеховъ совершенно не при чемъ: въ Каспійское море она дѣйствительно впадаетъ, но не на каждомъ шагу, какъ это кажется, а гдѣ-то въ концѣ и всего одинъ разъ. Каспійское море такъ далеко отъ волжскихъ пароходовъ, что никакой качки на Волгѣ нѣтъ. Мнѣ рассказывали объ одномъ петроградцѣ, тогда еще петербуржцѣ, который, вступивъ на

бортъ волжскаго парохода, внезапно схватился за палубныя перила и такъ держался за нихъ отъ Рыбинска до Казани, думая, что иначе его укачаетъ.

Никакихъ опасностей въ путешествіи нѣтъ. Пожары бываютъ рѣдко. Ими интересуются только прибрежные дачники, которые выѣзжаютъ на лодкахъ и долго спорятъ о томъ, загорится ли корма, или дѣло ограничится рубкой перваго класса. На моей памяти былъ только одинъ случай сильнаго пожара на волжскомъ пароходѣ да и то, при исключительныхъ обстоятельствахъ: сгорѣлъ онъ зимой, въ затонѣ, гдѣ его четыре дня настойчиво и упорно поджигалъ самъ владѣлецъ, надѣявшійся получить страховую премію. Получилъ онъ ее одновременно съ двумя годами арестантскихъ ротъ. Человѣческихъ жертвъ не было.

Волжскіе пароходы не тонутъ, потому что если бы въ одно прекрасное время какой-нибудь изъ пароходовъ рѣшилъ самостоятельно сѣсть на дно, промокъ бы только багажъ у пассажировъ третьяго класса, а въ верхнемъ этажѣ узнали бы объ этомъ на другой день.

Опасности есть другія.

* * *

Первая опасность это знакомство. Знакомятся на пароходахъ всѣ. Ходятъ подолгу другъ за другомъ, спрашиваютъ поминутно, сколько времени и какая слѣдующая остановка. Подышать свѣжимъ рѣчнымъ воздухомъ или почитать на палубѣ рѣшительно невозможно.

Едва вы открыли ротъ, чтобы вдохнуть этотъ самый воздухъ, какъ кто-нибудь сбоку уже робко спрашиваетъ:

— Вы, кажется, что-то сказали? Моя фамилія Нутыкинъ, въ Самарѣ у меня родственники, — можетъ быть изволите знать Широпуковыхъ? А самъ я ѣду въ Царицынъ...

Увидѣвъ у васъ въ рукахъ книгу, пять человѣкъ уже лѣзутъ къ ней пальцами и объявляютъ:

— Читали... Прекрасная книжица. Въ Саратовъ ѣдете? Существа разнополыя гоняются другъ за другомъ по па-

лубъ съ энергіей первобытнаго челоуѣка. Если на пароходѣ очень много дамъ и дѣвицъ съ цвѣтными ленточками во всѣхъ мѣстахъ и на палубѣ внезапно появляется неуродливый молодой челоуѣкъ въ панамѣ, на него бросаются такимъ скопомъ, что онъ, во имя собственнаго благополучія, долженъ или прыгать за бортъ, надѣясь на помощь расторопнаго матроса, или прятаться за дымовую трубу до наступленія темноты. Потомъ можетъ выползти, поѣсть гдѣ-нибудь на кормѣ и бѣжать снова къ трубѣ. Въ каютѣ его найдутъ все равно. Будутъ царапаться въ дверь, шумѣть подъ окномъ и заговаривать черезъ стекло.

Когда появляется однопроцентная дама на сто процентовъ свободныхъ бездѣльниковъ — та же картина. За бѣдной женщиной устраивается такая слѣжка, что она или быстро знакомится со всѣми и оказывается проѣзжей шансонеткой, или слѣзаетъ съ частью багажа на первой крупной остановкѣ.

* * *

Очень неприятная вещь — пароходный свистокъ, когда онъ приходится надъ вашей каютой. Люди съ рѣзко выраженной безсонницей находятъ въ немъ даже нѣкоторое развлеченіе, но для челоуѣка съ нормальными нервами и здоровымъ сномъ онъ является искреннимъ врагомъ. Бывали даже такіе случаи, что, пріѣхавъ въ свой городъ, пассажиръ, пользуясь суматохой остановки, взбирался наверхъ и, убѣдившись, что его никто не видитъ, нѣсколько разъ ударялъ палкой по свистку, очевидно, считая себя послѣ этого удолетвореннымъ.

Свистокъ не пускается въ ходъ только отъ 11 утра и до 12 ночи, когда всѣ пассажиры ѣдятъ, пьютъ, ходятъ или говорятъ глупости. Ночью и рано утромъ свистокъ работаетъ, какъ старый негръ на плантаціи.

Первую ночь, проснувшись отъ его рева, пассажиръ искренно увѣренъ, что кого-то рядомъ рѣжутъ. Онъ начинаетъ, какъ бабочка, биться о дверь и окно и успокаивается, только окончательно проснувшись. Лично мнѣ очень не нравились эти бабочки, въ нижнемъ бѣльѣ выскакивавшія въ коридоръ и тыкавшіяся о бодрствующихъ съ разспросами: — «Кто кричитъ, гдѣ пожаръ, кого душатъ». Потомъ къ свистку привыкаютъ и даже радуются, когда при встрѣчѣ другъ съ другомъ пароходы поднимаютъ такой вой, что барабанная перепонка дрожить, какъ заяцъ въ лисьей норѣ.

* * *

На пароходѣ никогда не нужно играть въ карты съ незнакомыми людьми. На каждомъ пароходѣ есть по четыре официальныхъ шулера и по одному, работающему на собственный страхъ и рискъ. Волжскій пароходъ безъ шулеровъ трудно себѣ представить. Мнѣ кажется, что если бы и былъ такой пароходъ, то сами пассажиры, сразу, замѣтивъ ихъ отсутствіе, выражали бы свое неудовольствіе — до того шулера неотъемлемые гости парохода.

Они подсаживаются къ прилично одѣтому пассажиру и начинаютъ приставать съ просьбой сыграть по маленькой, въ любую игру. Чтобы отвязаться отъ нихъ, пассажиръ садится играть и сразу выигрываетъ. Обычно ему это нравится, и онъ продолжаетъ игру; оканчиваютъ ее сами шулера, когда видятъ, что у ихъ партнера остался только билетъ до мѣста назначенія и сорокъ копеекъ носильщику.

Удается имъ это всегда. Кстати, я вспомнилъ одинъ случай. У меня былъ товарищъ по университету, который служилъ контролеромъ у одной пароходной компаніи. Онъ самъ всегда искалъ случая сыграть съ шулерами, дожидаясь ихъ обычнаго, заманивающаго проигрыша и, получивъ его, вставалъ, кончая игру. Шулера считали это нечестной игрой и при встрѣчѣ не подавали ему руки. Находчивый малый всегда имѣлъ свободныя деньги на мелкіе расходы.

Официальными шулерами я называлъ профессионаловъ, работающихъ группами. Шулера-любители ѣздятъ по одному и, не имѣя опредѣленной базы, часто сидятъ безъ денегъ, втягиваютъ сразу въ крупную игру, а въ случаѣ неудачи, незамѣтно стягиваютъ со стола скомканную чужую трешницу и бѣгутъ въ буфетъ третьяго класса пообѣдать.

* * *

На Волгѣ есть много удивительно вкусныхъ вещей. Одинъ мой знакомый очень любилъ стерлядей. На пароходѣ, ему все время подавали, такъ называемую, стерлядь кольчикомъ. Приготавливается она очень просто. Берутъ несвѣжую стерлядку, варятъ ее въ грязномъ кипяткѣ, послѣ чего поваръ суетъ стерляжій хвостъ въ стерляжій же ротъ и поливаетъ рыбу остатками желтаго соуса къ курицѣ. За это прибавляется лишній полтинникъ въ счетѣ.

Гдѣ бы и когда бы онъ ни спрашивалъ стерлядь, ему всегда подавали ее кольчикомъ. У бѣдняги получилось представленіе о томъ, что эта вкусная рыба всегда живетъ, плодится и плаваетъ съ хвостомъ, засунутымъ въ ротъ. Мнѣ стоило много труда разубѣдить его.

Очень хорошо готовятъ рыбную солянку. Рыбной она называется потому, что въ ней много яичной скорлупы и остатковъ дичи, но на свѣжемъ воздухѣ все это очень питательно и вкусно. Гастрономы всегда заказываютъ налимью уху. Ее готовятъ долго, потому что опытный поваръ долженъ не допустить, чтобы кто-нибудь случайно положилъ въ нее налима, вмѣсто двухъ подержанныхъ ершей и одной свѣжей морковки. Отсутствующій налимъ, особенно его печенки, цѣнятся очень дорого, и такая уха считается изысканнымъ блюдомъ.

Въ прежнее время невзыскательные пассажиры покупали себѣ пищу на пристаняхъ: пирогъ съ ливеромъ по пятаку за фунтъ, копченую до отказа колбасу и громадныя французскія булки, которыми можно было съ размаху убить страуса, или переломить ногу волку. Теперь, навѣрное, кто-нибудь спекулируетъ и съ ливерными пирогами, и они вздорожали до налимьихъ печенокъ. Впрочемъ, и раньше ихъ покупать не стоило; говоря словами поэта: ихъ мыли дожди, посыпала ихъ пыль — и послѣ фунта такого пирога въ желудкѣ залеживалось такъ много песка, что туда можно было бы пустить ребятишекъ съ деревянными формочками для песочныхъ куличей и кирпичиковъ...

* * *

Поѣзжайте на Волгу. Тамъ много интереснаго.

Арк. Буховъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Сотрудникъ „Туркестанск. Курьера“ называетъ солдатскую пѣсню, „Какъ нынѣ собирается вѣщій Олегъ“ — „сатирическимъ (?) произведеніемъ“...

А то есть еще символистическое произведеніе: „Вотъ Ерема сталъ тонуть, Оому за ногу тянуть“...

*

„Дамскій Миръ“, издаваемый графиней Муравьевой, въ нашъ воинственный вѣкъ говоритъ языкомъ не совсѣмъ подходящимъ для нѣжнаго кроткаго дамскаго журнала:

Фехтованіе уже довольно давно вошло въ моду у женщинъ за границей.

Теперь же вновь народившаяся школа вздумала приспособить искусство фехтованія для чисто практическихъ цѣлей, сдѣлать его полезнымъ и пригоднымъ для повседневной жизни, замѣнивъ шпагу или рапиру обыкновеннымъ дождевымъ зонтомъ (!).

А дальше идутъ практическіе „совѣты молодымъ хозяйкамъ“:

Послѣ ряда ложныхъ ударовъ, наносятъ ударъ плашмя по голове, что является вѣрнымъ и удачнымъ маневромъ, — какъ въ томъ случаѣ, когда вамъ удастся надвинуть этимъ ударомъ шапку или шляпу на глаза противнику, такъ и тогда, когда вы сдвинете ее ему на затылокъ, или сшибете. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, противникъ инстинктивно подымаетъ руки вверхъ, и этимъ моментомъ вы должны воспользоваться.

Самый опасный и превосходный (!) ударъ, является ударъ остриемъ или концомъ зонта въ извѣстное мѣсто шеи, подъ подбородкомъ, находящееся сантиметра на два выше „Адамова яблока“. Если этотъ ударъ нанесенъ съ извѣстной точностью и силой, то противникъ моментально падаетъ безъ чувствъ, или же оказывается сильно оглушеннымъ. Это мѣсто является самымъ чувствительнымъ мѣстомъ шеи.

Другой, не менѣе важный и опасный ударъ, это ударъ „пу-энтромъ“, то есть остриемъ или концомъ зонта въ желудокъ, въ то мѣсто подъ грудной клѣткой, которое въ общежитіи называется „подъ ложечкой“, а въ анатоміи „подбрюшіемъ“ или „надчревіемъ“.

Такой ударъ, нанесенный увѣренной и сильной рукой, можетъ отправить противника, если не на тотъ свѣтъ, то во всякомъ случаѣ на нѣсколько мѣсяцевъ уложить его на госпитальную койку.

Зачѣмъ такіе тонкости: такой же результатъ — нѣсколько мѣсяцевъ госпитальной койки, можно получить, если подкрасться сзади къ ничего не подозревающему челоуѣку и ударить его изо всей силы полѣномъ по головѣ.

И практичнѣе: какъ извѣстно, березовое полѣно дешевле дешевого зонта.

*

Кому нравится скрипка, кому рояль, кому виолончель, а Игорю Сѣверянину нравится граммофонъ „Монархъ“, съ металлическимъ рупоромъ и мембраной „Пишущій Амуръ“.

Вотъ какіе стихи написалъ недавно „пишущій Амуръ“ г. Сѣверянинъ.

Граммoфонъ выполняетъ, подъ умълой (!) рукою

Благородно (!) и тонко (!) амбуразный мотивъ.

Скрипка, конечно, хорошая штука, — говоритъ тонкій Игорь. — Но передъ граммoфонномъ ей не выстоять: до чего благородно! До чего тонко! До чего амбуразно!

По амбуразному Сенькѣ и амбуразная шапка.

Печальную повѣсть я вамъ пропою
О дняхъ, отлетѣвшихъ далече,
О рыцарѣ, дравшемся въ дальнемъ краю,
Отдавшемъ тамъ жизнь молодую свою
Съ жестокими маврами въ сѣчи.

Печальную былъ о минувшихъ годахъ,
О рыцарскихъ храбрыхъ турнирахъ-бояхъ,
О томъ, что ушло невозвратно,
О томъ, что припомнить пріятно...
То былъ романтически радостный вѣкъ
Турнировъ и всяческихъ схватокъ,
Когда былъ и честень и храбръ человекъ,
Отъ мѣднаго шлема до пятокъ.

То было въ тѣ дни, что ушли далеко,
Какъ пышные робы и стиль рококо,
Какъ орденъ наивной Подвязки,
Какъ многія милыя сказки...

Жилъ рыцарь, могучій синьоръ де-ля-Бри,
Въ роскошнѣйшемъ замкѣ надъ Рейномъ.
Надъ Рейномъ прекраснымъ, какъ свѣжесть зари,
Какъ барышня въ платьѣ кисейномъ.

Великъ и богатъ былъ у рыцаря дворъ.

Прекрасныя дамы дурманили взоръ.

Была же синьора супруга

Прекраснѣй, чѣмъ солнышко юга...

Былъ сильно слышанъ о рыцарѣ миръ:

Жилъ рыцарь красиво-безпечно.

И гдѣ бъ ни случился блестящій турниръ,

Онъ былъ побѣдителемъ вѣчно.

Всѣ дамы и дѣвы вздыхали о немъ.

Синьоры пылали къ нему всѣ огнемъ,

А онъ ихъ упрямо, что дятель,

Рапирой въ бояхъ колошматилъ.

Пришла какъ-то въ замокъ тревожная вѣсть,

Что мавры грубить начинаютъ,

Тая къ христіанамъ исконную месть,

Скандалятъ и всѣхъ заѣдаютъ.

Взялъ рыцарь супругу, отвелъ въ уголокъ,

На «поясѣ вѣрности» заперъ замокъ.

Приставилъ къ ней дюжину мамокъ

И на ноги понялъ весь замокъ.

— «Давай Россинанта и вѣрный булатъ,

Заковывай сзади доспѣхи,

Завинчивай гайки у шлема и латъ,

Пока не словилъ на орѣхи».

И челядь юлила, вертѣлась व्यюномъ,

Хоть думала думы о чемъ-то иномъ, —

— «Сидѣлъ бы, моль, дома въ камзолѣ...

Эхъ, мало-те въ дѣтствѣ пороли»...

Да криво хихикалъ надъ рыцаремъ Рокъ:
— «Собрался, братъ, курамъ на смѣхъ ты, —
Тебѣ ль съ сарацинами драться, дружокъ, —
Ну, войско ли — эти ландскнехты?»...

Но въ битву помчался синьоръ де-ля-Бри.

Скакалъ онъ съ утра до вечерней зари,

Трубя уже раньше побѣду:

— «Крупа сарацинская, — ѣду!»

Пріѣхалъ въ дремучій за скалами лѣсъ.

— «Ну, мавры, — теперь хулиганьте!»

И въ самую гущу отважно полѣзъ

На вѣрномъ своемъ Россинантѣ.

Ни сабли, ни пики ему ни по чемъ.

Онъ мавровъ по дюжинѣ кокалъ мечомъ.

А мавры, — тѣ были безъ стали, —

Съ испугу и выть перестали.

И вдругъ... прекратилось сраженіе... Стопъ!

Павъ съ лошади, рыцарь катался.

Въ доспѣхахъ синьора анаѳемскій клопъ

Овчаркой кубанской кусался.

Да что тамъ овчарка, — чистѣйшій бульдогъ!

И что ни укусь, — то говядины клокъ.

Хоть былъ всего-навсего клопъ онъ, —

Да крѣпко былъ рыцарь заклепанъ.

Несчастный клопишка, знать, стоилъ наглець

Всей фауны вяземской лавры.

Надъ рыцаремъ сжалились даже въ конецъ

Жестоко-свирѣпыя мавры.

А мавры житья не давали клопамъ, —

Чесались отъ нихъ и въ присутствіи дамъ...

Ходили постыдные слухи, —

Чесались, моль-де, и маврухи...

И мавры, отвагу и храбрость любя,

Доспѣхи съ синьора стащили,

Подмяли любовно его подъ себя,

И вмѣстѣ съ клопомъ... раздавили.

Такъ вымеръ могучій синьоръ де-ля-Бри

Что ставилъ воякамъ въ бояхъ фонари,

Что былъ величайшій повѣса,

Достойный пера Сервантеса.

Печальную былъ я припомнилъ вчера,

(Печальнѣй, чѣмъ былъ о Джульеттѣ...)

На милой Коломенской сидя съ утра,

Въ отдѣльномъ «Торжка» кабинетѣ.

Вчера, въ миломъ обществѣ милыхъ гулякъ,

Я пилъ контрабандный финляндскій коньякъ.

Смотрѣть на насъ лѣзли толпами.

И пахнулъ онъ, милый, клопами...

И плакала въ сердцѣ печальная грусть...

Ушло все куда-то далеко —

И мавры, и латы, и водка подъ груздь,
И рыцарство, стилия Барокко...
Ушла даже дюжина «Дамъ изъ «Торжка»»,
Зане коньяку не хватило пока...
...Зато былъ турниръ при развязкѣ,
И пять протоколовъ въ участкѣ...

Евг. Вѣнскій.

НАЧАЛО КОНЦА...

Фельетонъ Арк. Аверченко.

Вполнѣ умѣстнымъ началомъ можетъ послужить сообще-
ніе германскаго официальнаго агентства, недавно опублико-
ванное: «императоръ Вильгельмъ, прибывъ въ сѣверный го-
родокъ Эльбингъ, неожиданно вошелъ въ трамвайный вагонъ
и совершилъ вмѣстѣ со своей свитой поѣздку къ ближней
верфи. Какъ кайзеръ, такъ и всѣ лица его свиты, заплатили
за проѣздъ полагающіеся 10 пфенниговъ».

Вотъ какое сообщеніе появилось въ газетахъ.

А дальше — мы уже справимся сами безо всякихъ газетъ
и сообщеній... Мы знаемъ, что было дальше.

* * *

Снисходительно улыбаясь, Вильгельмъ вошелъ въ подъ-
ѣздъ маленькой второстепенной гостиницы и спросилъ:

— А что, голубчикъ, не найдется ли у васъ номерокъ...
такъ марки на три, на четыре?..

— О, ваше величество! — воскликнулъ остолбенѣвшій
портъ. — Для васъ у насъ найдется номеръ въ двѣ комнаты,
съ ванной за двадцать четы...

— О, нѣтъ, нѣтъ — что вы. Мнѣ именно хочется испы-
тать что-нибудь попроще. Именно такъ,
марки на три...

— Весь въ распоряженіи вашего ве-
личества, — изогнулся портъ. — Попро-
шу сюда, налѣво. Номерокъ, правда, ма-
ловатъ и темноватъ...

— Это ничего... Цѣна?

— Три марки, ваше величество.

— За мной.

* * *

Кайзеръ шагаль пѣшкомъ по улицѣ,
а за нимъ шла восторженная толпа. Ти-
хо шептались:

— Обратите вниманіе, какъ онъ про-
сто держитъ... Проѣхался въ трамваѣ
за десять пфенниговъ, а теперь нанялъ
номеръ въ тр. марки... Что за милое
чужачество богатаго вѣнценосца! Инте-
ресно, куда онъ направляется сейчасъ?..

— А вотъ смотрите... Ну, конечно!
Вошелъ въ дешевую общественную
столовую.

— Господи! Зачѣмъ это ему?

— Навѣрное, попробовать пищу. Хо-
рошо ли, дескать, насъ кормятъ?..

— Это вы называете — попробовать?
Да вѣдь онъ уплетаетъ за обѣ щеки. Слы-
шите, какой трескъ?

— Дѣйствительно, слышу. Что это
трещить?

— У него. За ушами.

— Ну, ей Богу же это мило! Зашель,
какъ простой человѣкъ, въ столовую и
ѣсть то же, что мы ѣдимъ.

— Какъ не любить такого короля!

— Правда — чужачество. Но какое
милое, трогательное чужачество.

— Вотъ онъ... выходитъ. Сейчасъ,
навѣрное, подадутъ ему карету. Любо-
пытно, въ какихъ это онъ каретахъ, во-
вобщемъ, ѣздитъ?

— Удивительно! Пѣшкомъ идетъ...
Заходитъ въ табачную лавочку... Что
это онъ? Покупаетъ сигару! Да развѣ
найдется у лавочника сигара такой цѣны,
на которую онъ курить... Что? За
пять пфенниговъ?! Нѣтъ — вы посмо-
трите, вы посмотрите на этого удиви-
тельнаго короля!

— Очевидно, рѣшилъ за сегодняшній день испытать все.
— Тѣмъ пріятнѣе завтра будетъ вернуться ему къ импе-
раторской изысканности и роскоши.

* * *

Черезъ три дня:

— Кто это проѣхалъ тамъ въ трамваѣ? Странно: на
площадкѣ народу биткомъ набито, а онъ ѣдетъ внутри совер-
шенно одинъ.

— А это нашъ кайзеръ. Развѣ вы не узнали?

— Но вѣдь онъ уже разъ проѣхался въ трамваѣ. За-
чѣмъ же ему еще?

— Я тоже немножко не понимаю. Третій день ѣздитъ.
Заплатить кондуктору десять пфенниговъ и ѣдетъ.

— Странно. А публика не входитъ внутрь вагона —
почему?

— Ну, все-таки кайзеръ, знаете. Неудобно стѣснять.

— А куда это онъ ѣдетъ?

— Вотъ уже выходитъ. Сейчасъ увидимъ. Гм.! Опять
заходитъ въ общую столовую.

— Пищу пробуетъ?

— Какое! Ёсть во всѣ лопатки. Вчера чай пилъ тутъ
тоже — такъ два кусочка сахара осталось. Въ карманъ
спряталъ.

— Что вы говорите! Зачѣмъ?

— Одинъ придворный тоже его спросилъ. А онъ отвѣ-
чаетъ: «Пригодится, говорить. Одинъ кусочекъ подарю Вик-
торіи-Августѣ, другой кронпринцу, если ему Верденская опе-
рація удастся».

— Прямо удивительный чудачина! Я думаю, пообѣдавъ,
швырнетъ сотенный билетъ и сдачу оставляетъ дѣвушкѣ?

— Нѣтъ, вы этого не скажите. Вчера наѣлъ онъ на

Рис. В. Л.

ПРИВЫЧКА — ВТОРАЯ НАТУРА.

Султанъ: — Почему этотъ генералъ приближается ко мнѣ такъ странно?

— Онъ иначе не можетъ, царь царей. На кавказскомъ фронтѣ командо-
валъ — привыкъ пятиться.

четыре марки и десять пфенниговъ. Даль дѣвушкѣ пять марокъ и говорить: оставьте себѣ двадцать пфенниговъ, а семьдесятъ гоните сюда.

— Такъ и сказалъ: гоните сюда?

— Ну, можетъ быть, выразился изысканнѣе, но семьдесятъ пфенниговъ все-таки сунулъ въ жилетный карманъ. Потомъ на нихъ (я самъ видѣлъ) купилъ 3 воротничка.

— Хватили, батенька! Что это за воротнички за семьдесятъ пфенниговъ?!

— Даже за шестьдесятъ. Бумажные. А на оставшіеся десять пфенниговъ купилъ сигару. Докурилъ до половины и спряталъ.

— Какое милое чудачество!

— Ну, какъ вамъ сказать...

* * *

Черезъ недѣлю.

— Виноватъ, позвольте мнѣ пройти внутрь трамвая...

— Куда вы прете! Неудобно.

— Это почему-же-съ?

— Тамъ кайзеръ сидитъ.

— Опять?!

— Да-съ, опять.

— Господи, что это онъ каждый день разѣздили.

Торчи тутъ вѣчно на площадкѣ!..

— Ничего не подѣлаешь. Всѣ одинаково страдаемъ. Раньше хоть свита его ѣздила, а теперь и тѣ перестали.

— Собственно, почему?

— Собственно изъ-за сигары. Такія онъ сигары сталъ курить, что даже Гельфериха, друга его, извините, стошнило. Съ тѣхъ поръ стараются съ нимъ въ закрытыя помѣщенія не попадать.

— Гм! Большое это для насъ неудобство.

— И не говорите! Занимаю я номеръ въ гостиницѣ «Розовый Медвѣдъ», какъ разъ рядомъ съ нимъ... И что же!

— Развѣ онъ до сихъ поръ въ этомъ «Медвѣдѣ» живетъ?!

— Представьте! Отвратительнѣйшій номеришко въ три марки, и такъ онъ туда представьте вгвоздился, что штопоромъ его не вытянешь. Ну, вотъ. Такъ придешь домой — портъе жить не даетъ: сапогами не стучи, умываться или что другое дѣлать (перегородка-то въ палецъ) не смѣй — чистое наказаніе! Будто не можетъ человѣкъ себѣ дворца выстроить.

— Да-съ. Оно и съ обѣдами не совсѣмъ удобно. Приходить — всѣ должны вставать и стоять пока онъ не съѣстъ обѣда. А ѣсть онъ долго. Да еще кусокъ останется, такъ онъ норовитъ его въ карманъ сунуть или въ другое какое мѣсто. Вѣрите — вчера полтарелки макаронъ за голенищемъ унесъ.

— Что за милое чудачество!

— Чудачество? Вотъ что, мой дорогой: если вы тихій идиотъ, то и должны жить въ убѣжищѣ для идиотовъ, а не толпиться зря на трамвайной площадкѣ!..

* * *

Черезъ мѣсяць.

— Ѣздитъ?

— Ѣздитъ. Раза четыре въ день: и все норовитъ до конца доѣхать за свои десять пфенниговъ. Опять же вагонъ такъ прокурилъ своими сигарами, что войти нельзя. По полтора пфеннига за штуку сигары курить — повѣрите ли?!

— Какъ не стыдно, право. Вѣдь мы къ нему въ его дворцы не лѣземъ, такъ почему жъ онъ къ намъ лѣзетъ. Кайзеръ ты, — такъ и поступаи по-кайзерячьи, а не веди себя, какъ мелкій комми изъ базарной гостиницы.

— Вотъ вы говорите — дворцы... Какіе тамъ дворцы, когда, говорятъ, все заложено и перезаложено. Вѣрите ли — исподнее солдатское! подъ видомъ шутки якобы — подъ штаны надѣлъ, да такъ и ходитъ. Стыдобушка!

— Слушайте... А нельзя его не пускать въ трамвай?

— Попробуй, не пусти. Я, говоритъ, такой же пассажиръ, какъ другіе! Въ столовой тоже: я, говоритъ, такой же обѣдающій, какъ другіе... А какое тамъ — такой! Все-таки кайзеръ — жалко — ну, лишній кусокъ и вернуть или полтарелочки супцу подбросятъ.

— А въ «Розовомъ Медвѣдѣ» все еще живетъ?

— Живетъ. За послѣдніе полмѣсяца не заплатилъ. Портъе жаловался мнѣ. Напомнить, говоритъ, неудобно, а хозяинъ ругается.

— Положеньице! А кайзеръ такъ и молчитъ?

— Не молчитъ, положимъ, да что толку... Вотъ, говоритъ, выпущу военный заемъ — тогда и отдамъ. Что жъ военный заемъ — военный заемъ. Военный заемъ еще продать нужно.

— Некрасиво, некрасиво. Лучше бы, чѣмъ сигары раскуривать — за номеръ заплатилъ.

— А вы думаете, онъ свои куритъ? У него теперь такая манера завелась: Высмотритъ кого поприличнѣе и сейчасъ съ разговорчикомъ: «Далеко изволите ѣхать?» — «До Пупхенштрассе, ваше величество». — «А, это хорошо. Кстати: нѣтъ ли у васъ сигарки. Представьте, свои дома забылъ». Жалко, конечно, — даютъ. Но, однако — сегодня забылъ, завтра забылъ — но нельзя же каждый день! Мы тоже не миллионеры.

— И не говорите: подписался только онъ самъ на полмилліарда да дѣти по сту тысячъ. Больше никто. Однако, подписаться подписались, а взноса ни одного еще не сдѣлали. Сухіе орѣхи. Даже задатку не дали.

* * *

Черезъ два мѣсяца, въ общественной столовой:

— Послушайте, вы тамъ! Бросьте ѣсть свою гороховую сосиску. Кайзеръ пришелъ. Спрячьте ее.

— А что, развѣ неудобно при немъ ѣсть?

— Не то. А увидитъ еще да попроситъ кусочекъ — вамъ же хуже будетъ.

— И Боже жъ ты мой! Кайзеръ, кажется, какъ кайзеръ, а совсѣмъ не по кайзериному поступаетъ.

— Довоевались.

Аркадій Аверченко.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Еще одно вздоржаніе.

Сотрудникъ одной изъ столичныхъ газетъ пишетъ:

На-дняхъ мнѣ рассказывали, какъ пригородныя бабы подняли вътрое цѣну на клюкву, которую собираютъ въ лѣсу совершенно такъ же, какъ и два года назадъ, и десять лѣтъ. На вопросъ о причинахъ такого вздоржанія онѣ отвѣчаютъ:

— Милая, — теперь нагибаться стало дороже, чѣмъ прежде.

На мелкихъ канцелярскихъ чиновниковъ, гнущихся передъ начальствомъ спину, это вздоржаніе не распространяется...

Вниманію г. Котляревскаго: новая пьеса.

Итальянскіе футуристы процентовъ на восемьдесятъ умнѣе нашихъ, російскихъ.

Вотъ какую пьесу, въ числѣ другихъ, поставили римскіе футуристы (корреспонденція М. Первухина, „Биржев. Вѣд.“.)

Вторая пьеса — „Передъ безконечностью“. Молодой человѣкъ выходитъ на сцену съ револьверомъ и газетой. Онъ говоритъ публикѣ:

— Читатъ-ли „Berliner Tageblatt“ или лучше застрѣлиться?

Пауза. Выстрѣлъ. Молодой человѣкъ падаетъ замертво.

И вся пьеса. Короче воробынаго носа, а смыслъ глубокой-преглубокой.

А у насъ футуристъ глупый: выведетъ на сцену черную сухую кошку, захохочетъ и убѣжитъ за кулисы.

Пять тысячъ рублей.

Въ первый день открытія лѣтней сессіи Государственной Думы 200 неявившихся депутатовъ оштрафованы по 25 руб. каждый. Это первый случай за десятилѣтіе существованія Государств. Думы.

Вотъ: только черезъ десять лѣтъ впервые Государств. Дума стала приносить странѣ существенную пользу.

Давно пора.

Уравненіе въ правахъ.

Въ Германіи — у всѣхъ на устахъ сенсационное преступленіе: военная цензура „зарѣзала“ кайзера:

Националь-либераль Гиршъ указалъ, въ рейхстагѣ, что даже рѣчи кайзера подвергаются цензурѣ. Въ одной изъ речей кайзера былъ вычеркнутъ абзацъ, восхвалявшій прусскую гвардію (общій смѣхъ.)

Если принять во вниманіе, что это вычеркиваніе послѣдовало послѣ стодневной работы прусской гвардіи подъ Верденомъ, то нужно признать, что нѣмецкая военная цензура не такая дура, какъ думаетъ Гиршъ.

По словамъ того же Гирша:

Другая рѣчь императора Вильгельма была совершенно запрещена къ упубликованію по неизвѣстнымъ причинамъ.

Рис. А. Радакова.

Редакторъ: — Дѣла ужасны! Подписчиковъ много, а бумаги нѣтъ.

Вильгельмъ: — А у меня съ военнымъ займомъ наоборотъ. Бумаги много, а подписчиковъ нѣтъ.

„Въ Шпандау повѣшены двѣ женщины, поднявшія голодный бунтъ въ Ганверѣ и Франкфуртѣ на Майнѣ: Эмма Веше и Берта Фастнахень“.

Рис. А. Р.

(Изъ газетъ.)

М Е Ч Т Ы.

Вильгельмъ: — Ахъ, почему люди не могутъ питаться, какъ вороны.

Если г. Гиршъ думаетъ, что размягченіе мозга можно назвать „неизвѣстной причиной“ то да будетъ стыдно господину Гиршу!..

Блестящее и прочное.

Кому, собственно, сейчасъ веселѣе всѣхъ, такъ это оттоманскому правительству:

Оттоманское правительство отдало распоряженіе по газетамъ, чтобы помѣщались статьи, изображающія настоящее положеніе Турціи блестящимъ и прочнымъ.

Самое лучшее — написать объ этомъ такъ: положеніе Турціи блестящее, какъ казацкая сабля у горла, и прочное, какъ пеньковая веревка на шеѣ.

Допрыгались.

Причина:

Вопросъ о питаніи населенія Германіи представляется весьма серьезнымъ. Мясныя блюда разрѣшены лишь два раза въ мѣсяцъ и только въ видѣ исключенія — четыре раза. Масло и жиръ совершенно отсутствуютъ. Зажиточные люди питаются каргофелемъ и зеленью.

Слѣдствіе:

Вмѣсто прежнихъ марокъ съ надписью „Боже, покарай Англію“, въ Германіи теперь распространяются марки съ надписью „Боже, спаси Германію“.

Давно бы такъ.

Сорокъ миллионѣвъ бутылокъ водки.

„Міровая загадка“, какъ пишутъ дешевые фокусники:

При запрещеніи вина въ тотъ годъ, который считается самымъ трезвымъ, все же продано сорокъ миллионѣвъ бутылокъ казенной водки. Водочные заводы, въ годы трезвости, не сократили, а увеличили свое производство.

Получается заколдованный кругъ:

— Запретили пить?

— Запретили.

— А вы вонъ пьяный.

— Съ горя я пьяный, что запретили.

— Да вѣдь разъ запретили, зачѣмъ же пьете?

— Мы съ горя, что нельзя пить.

— Да какъ же нельзя, разъ вы пьяный.

— Единственно съ горя, что запретили.

— Да разъ вы пьяный — значить, запрещенія нѣтъ?

Какое же горе? При чемъ горе?

— Отъ запрещенія горе.

— Но вы пьяный?! Значить, запрещенія не существуетъ!

— А разъ запрещенія не существуетъ, почему я не могу быть пьянымъ? Вотъ я и пьянъ.

Полная видимость желѣзной логики.

„Тьфу!“ — какъ говорить русская пословица.

Редакторъ „Новаго Сатирикона“ принимаетъ по средамъ отъ 3 до 5 часовъ дня въ помѣщеніи редакціи (Невскій пр., 88).

Секретарь редакціи — по средамъ и субботамъ отъ 3 до 5 часовъ дня.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Папочкѣ. — Папочка открылъ легкій и безболѣзненный способъ писать громозвучные стихи;

„Глухо гремитъ барабанъ:
Банъ-банъ-банъ! Банъ-банъ-банъ:
И перекачь слышенъ трубъ:
Ру-ру-рубъ, ру-ру-рубъ“!..

По этому рецепту любой гражданинъ можетъ изготовлять самъ себѣ какіе угодно стихи:

Глухо запѣли сверчки:
Чки, чки, чки, — чки, чки, чки!
И закричала сова:
Ва-ва-ва, ва-ва-ва:

Ахъ, Папочка! Лучше бы вы воспитывали своихъ дѣтокъ, чѣмъ заниматься такимъ вздоромъ!..

А. М. З. (Свѣчной, 7). — „Посылаю вамъ двѣнадцать своихъ рассказовъ“.

Какъ говорится: пришла бѣда — отворяй ворота.

Прочли всѣ двѣнадцать рассказовъ.

Мы васъ больше не любимъ.

Б. Провинція.

Харьковъ. — *Сумчатому.* — „Въ своемъ рассказѣ я постарался подойти къ переживаніямъ беременной женщины, какъ можно болѣе тонко“.

Гдѣ тонко — тамъ и рвется.

А рваное выбрасывается. Порнографія.

Безъ города. — *П. Осин—скому.* (Кубику.) — Кубикъ не присылаетъ никакого матеріала. Онъ просто сообщил редакціи, что „многія статьи заставляютъ его сливаться всѣми своими фибрами съ позиціей, занятой Нов. Сатирикономъ“.

Это можно: сливайтесь.

Только не нужно забывать о наклеиваніи почтовой марки на конвертъ. А то вы, за хлопотами, сопряженными со сляніемъ фибръ, со всѣмъ упустили изъ виду этотъ шаблонъ.

Одесса. — *Данилову.* — Да. Исполнимъ.

Курскъ. — *Кричкину.* — Кричкинъ остритъ такъ же, какъ поютъ курскіе соловьи: закрывъ глаза.

Вотъ, что изъ этого получается:

„Она.“ — Митя! Я хотѣла бы имѣть въ своихъ ушахъ такіе же брилліанты.

Онъ: — Зачѣмъ же въ ушахъ... тогда ихъ не будетъ видно. Носи ихъ лучше на ушахъ.“

Это зависитъ отъ длины и формы ушей.

Не подходите вы намъ.

Ave.

Редакторъ **А. Т. Аверченко.**
Издатель **Т-во „Н. Сатириконъ“.**

Гдѣ бываютъ артисты и писатели?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 11 час.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

4-й годъ изданія. на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА 4-й годъ изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) **6 руб. 80 коп.**, съ пересылкой и доставкой **8 руб.**, на полгода **4 руб.**, на 3 мѣс. **2 руб.**, на 1 мѣс. **70 коп.**

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

Перемѣна адреса.

Контора журн. „Новаго Сатирикона“ вѣщаетъ съ гг. подписчиковъ за перемѣну адреса **30 коп.** и проситъ прилагать старый адресъ.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ РОССИИ
ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА
имѣющая СПЕЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ
„TABACS ET CIGARETTES DE LUXE“

SPHINX $\frac{10 \text{ шт.}}{\text{отъ 40 к. — 1 р.}}$
KHEDIVE $\frac{10 \text{ шт.}}{\text{отъ 20 к. — 60 к.}}$
CLASSIC $\frac{10 \text{ шт.}}{\text{отъ 20 к. — 60 к.}}$
АНГЛІЙСКІЕ ТАБАКИ $\frac{\text{фунтъ}}{\text{отъ 5 р. — 15 р.}}$

ПАПИРОСЫ:

„ЯКА“ $\frac{10 \text{ шт. 15 к. и 20 к.}}{10 \text{ шт. 30 к. и 40 к.}}$
„САФО“ $\frac{10 \text{ шт. 15 к. и 20 к.}}{10 \text{ шт. 30 к. и 40 к.}}$
„DARLING“ $\frac{10 \text{ шт. 15 к. и 20 к.}}{10 \text{ шт. 30 к. и 40 к.}}$

Требуйте всюду, а также въ нашихъ собственныхъ
магазинахъ:

Ш-во Я. К. Богдановъ и Ко.

ВСЕМІРНОИЗВѢСТНЫМ
КРЕМЪ **КАЗИМИ**
МЕТАМОРФОЗА

ЕДИН-
СТВЕННО
ПРИЗНАННЫЙ
ЖЕНЩИНАМИ
ВСЕГО МІРА.
•••••
БЕЗСПОРНО РАДИ-
КАЛЬНОУДАЛЯЕТЪ
ВЕСНУШКИ, УГРИ,
ПЯТНА, ЗАГАРЪ,
МОРЩИНЫ
И ДЕФЕКТЫ
ЛИЦА.

Съ кремъ мы воюемъ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА
ВЪ ПРОДАЖУ.
новая книга:
„Теплая компанія“.

Съ кремъ мы воюемъ.
Текстъ: — Арк. Аверченко,
Вл. Азова, А. Бухова,
О. Л. Д'Ора и Тэффи.
Цѣна 1 р. 25 к.

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ
продажу пятый томъ пьесъ
Аркадія Аверченко.
„БЕЗЪ
СУФЛЕРА“.

Между прочими пьесами: „Дѣ-
точка“, „Женщина, достойная
уваженія“, „Похорошему“ и др

НАПЕЧАТ. ВЪ ПРАВИТ. ВѢСТН. 1915 Г. № 226)

Фирма
ОСНОВАНА ВЪ 1903,
удостоена **ВЪСШИХЪ** наградъ
на выставкахъ
въ Парижѣ, Лондонѣ, Брюсселѣ,
Флоренціи и проч.
Maison
Fondée en 1903
4 grands prix
Paris, Londre, Bruxelles, Florence

ВЫТЯЖКА

ИЗЪ
СЪМЕННЫХЪ
ЖЕЛЕЗЪ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ
ЛАБОРАТОРИИ **Д. КАЛЕНИЧЕНКО.**

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгіи,
старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, мало-
кровоіи, артеріосклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ
боляхъ, бессонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ
разстройствѣ питанія и сердечн. дѣятельн., общей
слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, си-
филіса, послѣ родовъ, операций, кровопотерь и проч.

Гг. врачамъ, лазаретамъ и больницамъ сѣменная вытяжка
лабораторіи Д. Калениченко для наблюденій высылается бесплатно.
Обширная литература по требованію бесплатно.
Одинъ флаконъ сѣменной вытяжки въ продажѣ стоитъ
пересылка—40 к., пересылка свыше одного фла-
кона—бесплатно. 20%-ый почтовый сборъ за наложенный
платежъ всегда за счетъ заказчика. * Адресъ: Органотера-
певтич. лабораторія Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козлов-
скій пер. соб. д. кв. 290. Телегр. адр. Москва, Калефлюидъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

Вытяжка изъ сѣменныхъ
железъ изготовляется ес-
тественнымъ путемъ безъ
огня и химическихъ реак-
цій и ничего общаго не
имѣетъ съ химически из-
готовленнымъ сперминомъ.

Вышла въ свѣтъ
„ВСЕОБЩАЯ
ИСТОРИЯ“,

обработанная сатириконцами:
Арк. Аверченко, Осипомъ
Дымовымъ и Тэффи.

Съ иллюстраціями:
Ре-ми, А. Радакова,
А. Яковлева и А. Юнгера.

Цѣна 1 р. 50 коп

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со склада издательства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Аркадій Аверченко.

О МАЛЕНЬКИХЪ--ДЛЯ БОЛЬШИХЪ.

РАЗСКАЗЫ О ДѢТЯХЪ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ЧУДЕСА ВЪ РѢШЕТѢ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

САТИРИКОНЦЫ ВЪ ЕВРОПѢ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Тэффи.

НЕЖИВОЙ ЗВѢРЬ.

Цѣна 1 р. 50 к.

И СТАЛО ТАКЪ.

Цѣна 1 р. 50 к.

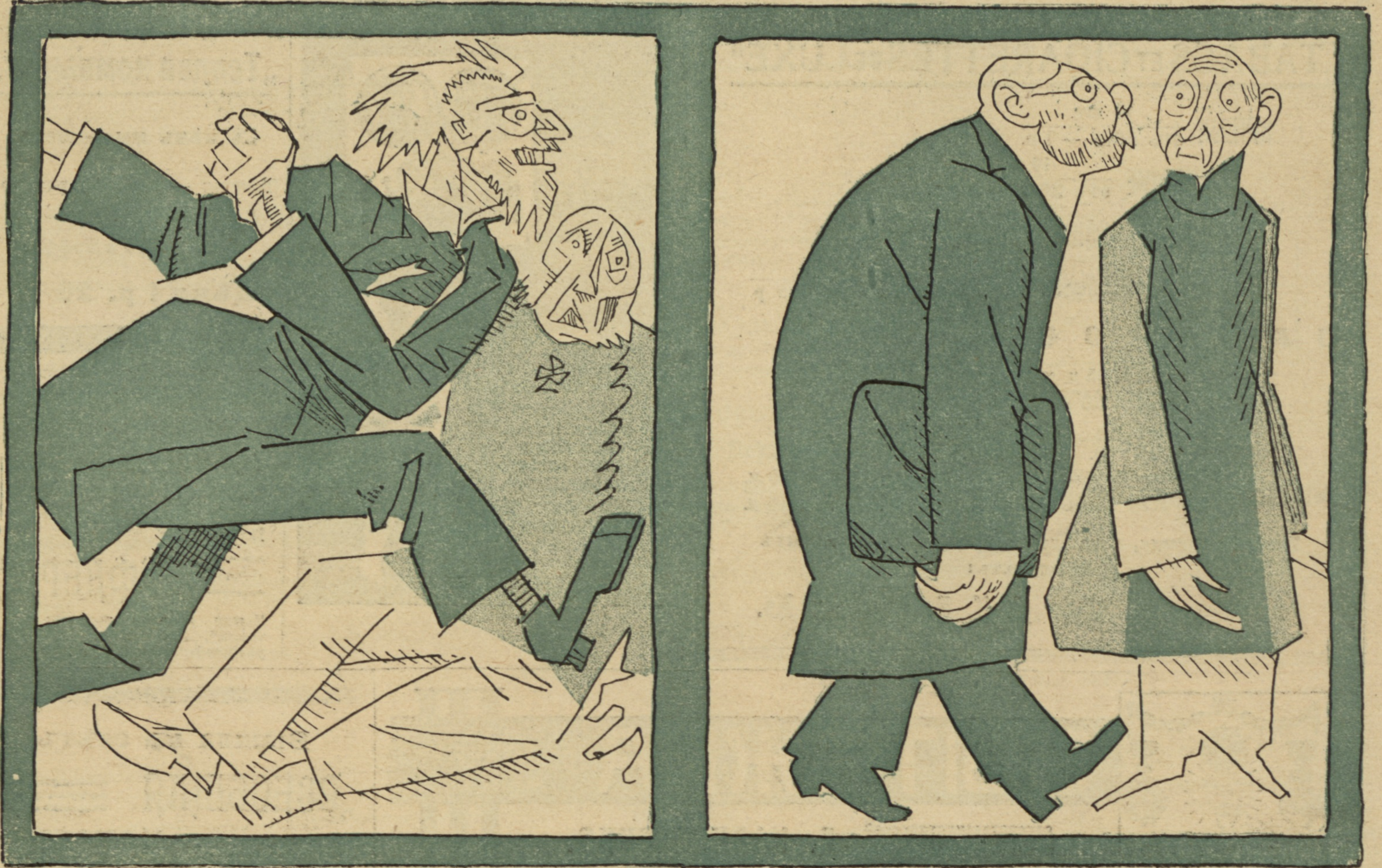
КАРУСЕЛЬ.

Цѣна 1 р. 50 к.

НАРОДНАЯ ПЕЧАЛЬНИЦА.

Въ Думѣ часто не бываетъ кворума. Депутаты
недавно были за неявку оштрафованы на 25 рублей.
(Изъ газетъ.)

Рис. А. Радакова.

Такъ шель депутатъ въ первую Думу.

Не спѣша, прочитавъ „Новое Время“, помечтавъ о
портфель, шель депутатъ во вторую Думу.

— Идите, идите, займитесь! Столько вопросовъ!
— Надѣ бы забѣжать къ нужному человѣку, о по-
ставочкахъ поговорить. Да и жарко въ Думѣ-то.
Такъ идетъ депутатъ теперь.

Но ничего, — отечество не лишится плодотворной
работы думскаго депутата, ибо Родзянкой приняты мѣры.